

бирается вода, и я камнем вниз. Один сапог я кое-как сумел сбросить, меня вылавливают, выбираюсь на берег, а холодно, уже осень. И тут подходит директор картины и говорит: «А не курил ли ты в лодке?» Ну, дальше не буду рассказывать, что произошло.

От казанки до «КамАЗа»

— Но, вообще-то, судя по фильму, ты на казанке лихо гонять научился...

— До того как это делать на съемках, я несколько раз ездил тренироваться на лодочную станцию в Москве, у Речного вокзала. И когда мы выбрались в первую экспедицию в Карелию, лодка была уже продолжением меня. Казанка у меня летала километров шестьдесят! Что, вообще-то, за предел. Я по тем протокам, где местные только на веслах ходят, потому что русло все время меняется, гонял на полной скорости. Человек-то я был еще совсем молодой — страху мало, а азарта немерено. В общем, уважение у местного населения я заслужил.

— В «Дальнобойщиках», небось, сам «КамАЗ» водил?

— Я все могу водить. Нет ни одного транспортного средства, которое бы я не водил. Сейчас езджу на джипе, а начинал с «копейки»...

— И на машинах так же лихачествуешь? Так и до беды недалеко...

— В серьезную аварию только однажды попал, сильно разбился. Я был за рулем, но вины моей не было. Пьяный персонаж переходил дорогу, и я решил его не давить. Машина — в штопор, несколько раз перевернулась. Гибэдэшники приехали: дурак, говорят, что ты его не переехал. Ну, бог с ними... А я оказался в госпитале имени Дзержинского в Балашихе, полтора месяца провалялся. Насмотрелся там... Это было время первой чеченской кампании. В госпиталь привозили совсем молодых ребят прямо пачками, с чудовищными ранениями. Непонятно, как они выживали. С ними я много общался. И благодарен судьбе за эти знакомства — они сильно на меня повлияли... Как мне было приятно, когда у отца спецназовцы спросили после «В августе 44-го»: «Борь, а что, Влад-то наш, что ли?» Вот это награда за работу! Публика-то смотрела серьезная.

Герой нашего времени

— А чем подкупает твой Сашок из «Дальнобойщиков»? Ведь не только же крутизой! А прежде всего своей человеческой надежностью...

— Ну уж если о моем герое заговорили, то вот что скажу. Я очень серьезно отношусь к своему делу. Сегодня основная у всех проблема, по-твоему, какая? Ну, помимо тер-

ризма, естественно. Я думаю, проблема — в тех поколениях, которые сейчас растут. Что они знают будут? Я несколько лет назад за сестренкой в школу зашел. Подходит дитё лет двенадцати, по пояс мне, и говорит: «Ну че, пацан, квадрат возьмешь?» Я знал, что такое «квадрат» — АСД, кислота. У меня был шок. В другой ситуации я бы звезданул его по шее, но здесь просто опешил. Дитё обозвало меня лохом, добавило еще какую-то гадость. А я стою как пенек описанный... И понимаю только одно: это их время. Это ж ребята, которые учились как раз в последнее десятилетие — без морали, без идеологии. Вот им-то как раз герой положительный и нужен.

— Может, ты краски сгущаешь? Себя-то молодым помнишь?

— А я с восьми лет на съемочной площадке. Хотя родители как раз были категорически против раннего приобщения к профессии, потому что жизнь у актеров-детей адская: у нас они никогда не работали по четыре часа, как полагается. Смена — восемь часов, а надо — и больше! Ну маленький, ну устал, ну посочувствуют... В общем, отвела меня на пробы втайне от родителей моя замечательная бабушка — учительница по профессии. Конспирация была полная, и только когда Говорухин утвердил меня на роль Гекльберри Финна, она торжествующе объявила об этом родителям... Вообще,

я рос очень самостоятельным. Даже сам пошел в военкомат в шестнадцать лет. Прихожу и говорю: «Все, я готов». Они очень удивились: «К чему ты готов?» — «Ну как, — говорю, — в Афган готов пойти или куда там еще надо». — «Подожди, — говорят, — дорогой, пару лет». Я им: «Потом не получится — у меня времени не будет, берите, пока я готов». Ну, они, конечно, посмеялись... Я никогда не косил от армии, но у меня потом действительно на нее времени уже не было. Мне моей «армии» хватает, мне в декабре тридцать, а у меня уже двадцать два года профессиональной деятельности, более тридцати картин — за предел!

— Вот ты по поводу нового поколения высказался... А у тебя как складывались отношения со старшими? При твоей-то самостоятельности...

— У нас в семье удивительные отношения: мы всегда были друзьями и соратниками, самооценки, самодостаточны и абсолютно равны. Никакой оппозиционности, авторитарности. Конечно, мы обсуждаем, кто, что и как сделал. Но в этих «разборах полетов» мы уважаем друг друга. Отец, например, может мне сказать: «Ты сделал это так, а можно ведь было сделать вот так и так...» Сейчас, уже взрослым человеком, я вспоминаю, как мать не раз советовалась со мной по поводу названия очередного своего сцена-

ТВ Пауки — 2001 — 4 кад. — с 8 — 11.

Нет и тридцати, а фильмы по пальцам уже не пересчитать

